

МАРГАРИТА КИРОВА

Я НЕ ИСТИННАЯ
ДРАКОНА.
И ЭТО ПРОБЛЕМА

Маргарита Кирова

Я не истинная дракона.

И это проблема

<https://litres.ru/74597288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я вернулась в Риан всего лишь за наследством. Получила старый дом с долгами, чужое имя на двери и тайну смерти тёти, которую кто-то очень старательно скрывает.

А потом дом заговорил со мной.

Оказалось, древняя магия выбрала меня хранительницей опасного секрета. В городе бесследно исчезают люди, стираются воспоминания, а за благополучие тысяч приходится платить чужими жизнями.

И единственный, кто может мне помочь, – Марен Таль. Холодный, невыносимо привлекательный инспектор, которого я ненавижу уже семь лет. Он слишком много знает, слишком мало говорит и совершенно не умеет держаться от меня подальше.

Теперь за мной охотятся те, кто привык управлять чужими судьбами. Чтобы выжить, придётся раскрыть тайну своего прошлого, бросить вызов целому городу и довериться мужчине, который однажды уже разбил мне сердце.

Вот только что опаснее – древняя магия или чувства, которые я больше не могу отрицать?

Содержание

Глава 1. Дом на улице Медных Фонарей	5
Глава 2. Комната без портрета	17
Глава 3. Правила узла	31
Глава 4. Семь домов	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Маргарита Кирова

Я не истинная дракона.

И это проблема

Глава 1. Дом на улице Медных Фонарей

Дом достался мне вместе с долгом, тремя треснувшими окнами и чужим именем, выцарапанным на внутренней стороне входной двери.

Я увидела его не сразу. Сначала была пыль.

Она лежала на ступенях, на перилах, на узком подоконнике в прихожей, где тётя Эста когда-то держала горшок с мятой. Мяты давно не было. Горшок остался – пустой, с белой полосой соли по краю.

Потом я заметила на полу у порога письмо из городской управы. Почтальон просунул его под дверь, и край конверта успел намокнуть: крыша над крыльцом протекала.

И только когда закрыла дверь, поставила дорожную сумку и потянулась к засову, увидела царапины. АРЕН ВЕЛЛ.

Имя было выведено ножом низко, почти у пола. Так низко, что взрослому пришлось бы присесть. Я провела по бук-

вам пальцем.

Под пальцем едва заметно дрогнула древесина. Я отдёрнула руку.

– Прекрасно, – сказала я пустому дому. – Пять минут в городе, и уже начинается.

Дом, разумеется, ничего не ответил.

Но где-то на втором этаже щёлкнуло, будто кто-то закрыл ящик стола. Я постояла, прислушиваясь.

Тишина.

С улицы доносились стук колёс экипажа, ругань извозчика и тонкий звон трамвая. Риан изменился меньше, чем я надеялась. Семь лет назад я уезжала отсюда с одним чемоданом и твёрдым намерением никогда не возвращаться. Теперь у меня было два чемодана, дорожная сумка и наследство, которое нельзя было продать раньше чем через год.

Тётя Эста умела портить мне планы даже после смерти. Я подняла письмо.

На синем конверте стояла печать Управления городских узлов. Этого мне только не хватало.

Я вскрыла его ногтем.

«Госпоже Лее Арден надлежит явиться в Управление городских узлов не позднее третьего дня после вступления во владение домом по адресу: улица Медных Фонарей, 17. Основание: проверка состояния охранного контура квартала и соответствия наследственного объекта Реестру связей».

Ниже стояла подпись.

Инспектор первого ранга Марен Таль. Я перечитала фамилию.

Память сработала раньше, чем я успела её остановить.

Высокий парень в серой форме Академии. Чёрные волосы, которые он стриг слишком коротко, будто боялся, что они станут самостоятельной проблемой. Молчаливый, раздражающе собранный. Из тех людей, рядом с которыми я в семнадцать лет начинала говорить быстрее и глупее.

А потом – ночь у Южных ворот. Отец на мостовой.

Серый форменный плащ над ним.

И Марен, стоящий в двух шагах и не смотрящий мне в лицо. Я смяла письмо.

– Нет.

На этот раз дом отозвался. В стене справа прошёл тихий треск. Я посмотрела на штукатурку.

– Я с тобой не разговариваю.

Треск прекратился.

Я не верила в дома с характером. Я вообще старалась верить только в то, что можно измерить, записать или хотя бы проверить дважды. Возможно, поэтому стала реставратором договорных печатей. Старые контракты не обижались, когда в них находили ошибку. Печати не ввали из вежливости. Магические узлы не смотрели на тебя так, будто знают, что ты сейчас заплачешь.

Люди были хуже.

Я сняла пальто и пошла осматривать наследство.

На первом этаже всё оказалось почти так, как я помнила: кухня с низким потолком, столовая, маленькая гостиная, которую тётя называла библиотекой, хотя половину полок занимали банки с пуговицами, сушёные травы и коробки с гвоздями. За гостиной была её мастерская.

Дверь туда не открылась. Я дёрнула ручку ещё раз.

– Эста, если ты поставила замок без ключа, я тебя найду даже там, где ты сейчас.

Изнутри что-то тихо звякнуло.

Я замерла.

– Очень смешно.

Я попробовала ключи, которые выдал нотариус. Семь штук. Ни один не подошёл.

Восьмой ключ, маленький и медный, я нашла в кожаном чехле связки. Он повернулся в замке с тихим щелчком.

В мастерской пахло воском, старой бумагой и железом.

На столе лежали инструменты тёти: тонкие резцы для печатей, стеклянные иглы, катушки серебряной нити. На стене висела карта квартала с домами, отмеченными красными точками.

Наш дом был обведён трижды. Я подошла ближе.

Карта была старой, лет двадцати. На полях – записи тёти. Часть я понимала: «северный шов просел», «перепривязка после зимы», «согласовать с Талем». Последняя запись заставила меня нахмуриться.

«Если со мной что-то случится, Лея должна узнать про

Арена». Я посмотрела на дверь мастерской.

Из мастерской имени, выцарапанного на входной двери, не было видно. Но мне и не требовалось.

Я уже запомнила.

Стук в дверь раздался так внезапно, что я уронила ключи.

– Да чтоб тебя.

Стук повторился – два раза, пауза, ещё один. Так стучала тётя, когда забывала ключ.

Я не сразу пошевелилась.

Потом рассердилась на себя, пересекла коридор и распахнула дверь. На крыльце стоял мужчина в тёмно-сером форменном пальто.

Не парень. Мужчина.

Марен Таль изменился ровно настолько, чтобы это раздражало.

Он стал шире в плечах, на левой брови появился тонкий шрам, а волосы теперь были чуть длиннее, чем я помнила. Всё остальное – та же спокойная неподвижность, от которой мне когда-то хотелось специально сказать что-нибудь нелепое и посмотреть, моргнёт ли он.

Он моргнул.

– Лея.

– Инспектор.

– Ты приехала сегодня.

– Слежка входит в услуги Управления или оплачивается отдельно? Его взгляд опустился на письмо у меня в руке.

– Почтальон видел, как ты вошла.

– А. Тогда всё гораздо менее романтично.

– Я не пытался быть романтичным.

– Это у тебя всегда получалось лучше всего. Он чуть выдохнул через нос. Не смех. Почти. Я ненавидела, что заметила.

– Можно войти?

– Нет.

– Хорошо.

Он остался стоять. Я тоже.

Прошла секунда. Потом ещё одна.

– И?

– Что?

– Ты сказал «хорошо» и не уходишь.

– Ты запретила войти. Уходить не просила.

– Марен.

– Лея.

– Не делай так.

– Как?

– Вот это.

Он посмотрел на меня без всякого выражения.

– Очень понятно.

Я стиснула зубы.

– Зачем пришёл?

– Проверить контур дома.

– В письме написано, что я должна явиться в управление.

– Должна. Но сначала мне нужно убедиться, что здесь безопасно ночевать.

– Я как-нибудь переживу собственную спальню.

– Я не про спальню.

– Жаль. Я уже приготовилась оскорбиться.

Он не ответил сразу. Посмотрел поверх моего плеча, в прихожую. И лицо у него изменилось.

Совсем немного – напряглась линия рта.

– Ты трогала дверь?

Я не обернулась.

– Обычно двери для этого и делают.

– Имя.

У меня по спине прошёл холодок.

– Значит, ты его знаешь.

– Трогала?

– Пальцем провела. Один раз.

Марен прикрыл глаза.

– Замечательно.

– Не говори со мной таким тоном в моём доме.

– Я пока вообще стараюсь не говорить то, что думаю.

– Не перенапрягись.

Он наконец посмотрел мне в лицо.

– Лея, отойди от порога.

– Ты всё ещё не приглашён.

– Да.

– И всё равно собираешься войти?

– Если ты сейчас не отойдёшь – да.

– Попробуй. Он помолчал.

– Ты всегда так встречаешь людей, которые пришли проверить, не убьёт ли тебя дом ночью?

– Только тех, кто семь лет назад стоял рядом с моим мёртвым отцом и потом исчез.

Тишина стала другой.

Улица за его спиной продолжала жить: кто-то смеялся, хлопнула дверь соседней лавки, трамвай протянул металлическую ноту на повороте.

Марен не отвёл взгляд.

– Я не исчез.

– Правда? Тогда у тебя удивительный талант быть незаметным.

– Я приходил к вам.

– Один раз. Мать тебя не пустила.

– Три раза.

Я хотела ответить и не смогла.

Это было глупо. Число ничего не меняло.

– Какая разница?

– Никакой, – сказал он. – Сейчас никакой.

Меня почему-то задело именно это.

– Отлично. Тогда уходи.

За моей спиной раздался звон. Не громкий. Чистый.

Как если бы кто-то провёл ногтем по краю хрустального бокала. Марен резко поднял голову.

– Отойди.

На этот раз я послушалась.

Потому что пол под моими ногами засветился.

Тонкие серебристые линии проступили между досками, складываясь в круг. Я знала такие узоры. Контур привязки. Очень старый.

Но в центре не должно было быть моего имени. ЛЕЯ АР-ДЕН.

Буквы зажглись одна за другой.

Я смотрела на них, пока Марен не вошёл без разрешения, не схватил меня за запястье и не дёрнул за порог.

Свет вспыхнул.

В голове раздался голос. Не тётки.

Не отца.

Мужской, незнакомый и очень тихий.

«Ты всё-таки пришла». Я потеряла равновесие.

Марен удержал меня за локоть.

– Что ты слышала?

Я вырвала руку.

– Ничего.

Он посмотрел на меня так, что я сразу поняла: не поверил.

– Лея.

– Не начинай.

– Если дом заговорил с тобой, это важно.

– Дом не разговаривает.

Серебряные линии на полу медленно погасли. Где-то на-

верху снова щёлкнул ящик.

Марен взглянул на лестницу.

– Сегодня ты здесь не останешься.

– Это мой дом.

– Именно поэтому.

– Логика потрясающая.

– Можешь спорить со мной сколько угодно. Только собери вещи.

– Куда, по-твоему, я пойду? Он замешкался.

И это было первое, что по-настоящему меня насторожило.

Марен Таль никогда не замешкивался.

– Ко мне, – сказал он.

Я рассмеялась.

Он не улыбнулся.

– Нет.

– Тогда в управление. У нас есть комнаты для дежурных.

– На деревянной лавке под портретом мэра?

– Там уже нет портрета мэра.

– Прекрасно. Убедил.

– Лея.

– Я останусь здесь.

– Здесь активировалась наследственная привязка, которой нет в реестре. На двери имя человека, умершего двадцать один год назад. Твоя тётя три месяца назад просила меня перепроверить защиту дома и не объяснила почему. А теперь контур узнал тебя.

Я перестала улыбаться.

– Арен Велл умер?

– Да.

– Кто он?

Марен посмотрел на выцарапанное имя.

– Вот это я и хотел выяснить до того, как ты вернёшься.

– Не успел?

– Нет.

– Почему?

– Потому что Эсту убили раньше.

Я не поняла фразу.

То есть поняла слова. По отдельности. Вместе – нет.

– Что?

– Твоя тётя не умерла от сердца.

Я сделала шаг назад.

Стена оказалась ближе, чем я думала.

– Нотариус сказал...

– Нотариус сказал то, что было в предварительном заключении.

– А ты откуда знаешь?

– Я видел окончательное.

– И никто мне не сообщил?

Марен молчал.

– Никто, – повторила я.

– Дело закрыли до твоего приезда как несчастный случай с повреждённой печатью.

– Но ты только что сказал «убили».

– Потому что я с закрытием не согласен.

У меня задрожали пальцы. Я спрятала руки в карманы.

– Кто?

– Не знаю.

– Удобно.

– Да.

– И что теперь?

– Теперь ты идёшь со мной.

Я посмотрела на мастерскую, на карту, которую отсюда не было видно, но я уже знала, что она там. На пустой мятный горшок. На имя у порога.

– Пять минут, – сказала я.

Марен кивнул.

Я поднялась по лестнице за сумкой. На середине остановилась.

– Три раза?

Он не сразу понял. Потом понял.

– Да.

– Зачем приходил?

Марен стоял в прихожей, положив ладонь на рукоять служебного резца.

– Не сегодня, Лея.

Я усмехнулась без радости.

– Вот теперь узнаю тебя.

Глава 2. Комната без портрета

В Управлении городских узлов пахло мокрой шерстью, чернилами и людьми, которые слишком долго не были дома.

За семь лет интерьер почти не изменился. Те же зелёные стены, те же деревянные скамьи вдоль коридора, те же таблички с надписями «Приём заявлений», «Регистрация договоров», «Нарушения бытовых связей». Только портрет мэра действительно исчез.

На его месте висела трещина.

– Ты не соврал, – заметила я.

Марен шёл впереди.

– О чём?

– Портрет сняли.

– Я редко вру о портретах.

– Хорошее качество для государственного служащего.

Он открыл дверь в конце коридора.

Комната оказалась маленькой: кровать, стол, умывальник, шкаф. На подоконнике стояла кружка с засохшим чаем.

Я посмотрела на неё.

– Здесь кто-то живёт?

– Иногда я.

– Конечно.

– Что это значит?

– Ничего.

– Нет, ты так говоришь, когда значит что-то неприятное.

Я поставила сумку на кровать.

– Не знала, что ты изучал мои интонации.

– Приходилось.

– Семь лет назад?

– И тогда тоже.

Слишком легко. Как будто мы не стояли час назад в доме мёртвой тёти и он не сказал мне, что её, возможно, убили.

Я отвернулась к окну.

– Мне нужен отчёт.

– Утром.

– Сейчас.

– Ты ехала двенадцать часов.

– Одиннадцать с половиной.

– Это меняет всё.

– Отчёт, Марен.

Он снял пальто и повесил на крючок. Под ним была тёмная форма без украшений, только серебряный знак первого ранга у воротника.

– Я принесу копию.

– Оригинал.

– Нет.

– Почему?

– Потому что он в архиве следственного отдела.

– Я реставратор с лицензией третьей категории. У меня есть доступ к закрытым актам повреждений.

– Не к материалам расследования.

– Которое закрыто.

– Формально.

– Так открой формально.

Он посмотрел на меня.

– Ты приехала четыре часа назад.

– И уже успела выяснить больше, чем семья Эсты за три месяца.

– У неё не было другой семьи.

– Была я.

– Да.

В его голосе что-то было. Слишком тихое. Я взяла кружку с подоконника, понюхала.

– Это когда заваривали?

– Вчера.

– У тебя талант превращать чай в строительный материал.

– Не трогай.

– Почему?

– Я собирался допить.

Я уставилась на него.

– Ты шутишь.

– Нет.

– Теперь верю, что ты способен на убийство. Угол его рта дёрнулся.

И снова меня раздражало, что я это увидела.

– Лея, – сказал он уже серьёзнее, – отчёт будет утром. Се-

годня тебе нужно поспать.

– Ты всегда решаешь за других, когда им нужно спать?

– Только когда они держатся за край стола, чтобы я не заметил, как у них дрожат руки.

Я отпустила стол.

– Ненавижу тебя.

– Я помню.

Ответ прозвучал без обиды. Это было хуже.

– Где ты сам будешь?

– В кабинете.

– Всю ночь?

– Скорее всего.

– Из-за моего дома?

– В том числе.

Я села на кровать.

Матрас жалобно скрипнул.

– Кто такой Арен Велл?

Марен прислонился плечом к косяку.

– Архитектор связей.

– Это я уже поняла по имени в старых регистрах. Что он делал в нашем доме?

– Не знаю.

– Ты опять.

– Я могу придумать ответ, если тебе так легче.

– Не будет.

– Тогда не знаю.

Я потёрла лицо ладонями.

– Тётя написала на карте: «Лея должна узнать про Арена».

Значит, она знала. Марен выпрямился.

– На какой карте?

– В мастерской.

– Ты мне об этом не сказала.

– Ты мне тоже много чего не сказал.

– Это не соревнование.

– Уверен? У тебя неплохой отрыв.

Он втянул воздух, явно собираясь ответить резче, но передумал.

– Что ещё было на карте?

– Красные точки. Наш дом обведён. Заметки про северный шов. И «согласовать с Талем».

– С Талем?

– Не притворяйся, что фамилия редкая.

– Я не притворяюсь. Я этого не видел.

– Тётя с тобой работала?

– Иногда. После того как я пришёл в Управление.

– И ты не думал упомянуть?

– Когда? На похоронах, где тебя не было?

Я замерла.

– Это сейчас зачем?

– Низко, – сказал он. – Прости.

Извинение прозвучало сразу. Без красивой паузы. Я не знала, что с ним делать.

- Я не успела приехать.
- Я знаю.
- Поезд задержали на границе.
- Лея, я знаю.
- Я ей обещала. Он молчал.
- Последнее письмо было за неделю до смерти. Она написала: «Если не приедешь сейчас, приедешь, когда дом сам тебя позовёт». Я решила, это её обычный шантаж.
- Похоже на Эсту.
- Ты её хорошо знал?
- Достаточно.
- Насколько достаточно?
- Она однажды сломала мне палец.
- Я подняла голову.
- Что?
- Указательный. Правый.
- За что?
- Я неправильно держал резец.
- Я смотрела на него несколько секунд.
- Это совершенно не отвечает на вопрос.
- Зато правда.
- Она специально сломала тебе палец?
- Нет. Я вырвался, она пыталась не дать мне испортить узел. Там было сложно.
- И ты продолжил с ней работать?
- Да.

– Почему?

– Потому что она была лучшим полевым мастером в Риане. Это прозвучало просто.

У меня свело горло.

– Она бы это оценила.

– Она знала.

– Ты говорил?

– Нет.

Я фыркнула.

– Тогда не знала.

– Говорила, что я раздражающе очевиден.

– В этом она ошибалась.

– Возможно.

Мы замолчали.

В коридоре кто-то быстро прошёл, хлопнула дверь, раздалось: «Кто забрал третью связку ключей?» – и усталый женский голос ответил: «Если опять Корм, я его свяжу собственным ремнём».

Я невольно улыбнулась.

– Всё как раньше.

– Нет.

– Что изменилось?

– Люди стали хуже прятать усталость.

– А ты?

Он посмотрел на меня.

– Что я?

– Лучше прячешь?

– Я не прячу.

– Да, конечно.

– Лея.

– Что?

– Тебе правда нужно поспать.

– А тебе правда нужно перестать это повторять.

– Хорошо.

Он вышел.

Я посмотрела на закрывшуюся дверь.

– Ненормальный.

Из коридора донеслось:

– Слышу.

– Я рассчитывала. Я попыталась лечь.

Пять минут смотрела в потолок. Потом ещё десять.

Перед глазами всё время возникала тётя. Не мёртвая – живая, сердитая, с седой косой на плече. Она всегда носила слишком длинные рукава и всегда знала, когда я врала.

«Если дом сам тебя позовёт». Я села.

В коридоре было тихо.

Я открыла дверь.

Кабинет Марена находился через два помещения. Свет пробивался под дверью. Я постучала один раз и вошла, не дожидаясь ответа.

Он сидел за столом в рубашке с закатанными рукавами и держал в руках лист бумаги. Увидев меня, перевернул его

ТЕКСТОМ ВНИЗ.

– Очень тонко, – сказала я.

– Ты спишь?

– Как видишь.

– Тогда я обеспокоен.

– Что читаешь?

– Рабочие материалы.

– По Эсте?

– Лея.

– Значит, по Эсте.

Он потёр переносицу.

– Ты вообще умеешь останавливаться?

– Умею. Когда понимаю, зачем.

– Сейчас затем, чтобы не мешать расследованию.

– Которого формально нет.

– Ты будешь повторять это каждый раз?

– Пока не станет смешно.

– Уже стало.

Я подошла к столу.

– Покажи.

– Нет.

– Марен.

– Лея.

– Ты ужасный человек.

– Это не аргумент.

– А я и не спору.

Я села напротив. Он подождал.

Я тоже.

– Ты собираешься просто сидеть?

– Да.

– Долго?

– Посмотрим.

– У меня работа.

– Не отвлекаю.

– Ты смотришь на меня.

– Могу смотреть в стену.

– Не надо.

– Почему?

– Она и так в плохом состоянии.

Я рассмеялась, прежде чем успела удержаться.

Марен посмотрел на меня с тем выражением, которое я помнила из Академии: будто сам не ожидал, что сказал что-то смешное, и теперь подозревал окружающих в преувеличении.

– Ты всё-таки умеешь, – сказала я.

– Что?

– Ничего.

Он взял лист.

– Ладно. Один документ.

Я выпрямилась.

– Какой?

– Предварительный осмотр дома после смерти Эсты. Ни-

чего из следственного отдела.

– Уже победа.

– Не привыкай.

Он протянул бумагу. Я прочитала.

«Обнаружено тело Эсты Арден, 63 года, в мастерской. Следов физического насилия нет. Причина смерти – разрушение личной связующей печати с последующим магическим ударом. Предположительно ошибка при работе с устаревшим контуром».

Ниже – перечень повреждений. Я перечитала строку о печати.

– Эста никогда не держала личную печать открытой во время полевой работы.

– Я знаю.

– Никогда.

– Я знаю.

– Это как оставить сердце на столе и пойти работать молотком.

– Да.

– Значит, кто-то открыл её печать.

– Или заставил её открыть.

Я подняла взгляд.

– Как?

– Доверием. Одно слово.

Мне стало холодно.

Личную печать нельзя вскрыть силой без следа. Но владе-

лец мог открыть её сам – перед врачом, супругом, мастером, которому доверял.

– Кто был в доме?

– По официальным данным – никто.

– А по твоим?

– Кто-то, кого она впустила. Я отдала лист.

– И ты три месяца это расследуешь один?

– Не один.

– Кто ещё?

– Мой начальник знает.

– Имя.

– Лея.

– Что? Я хочу понимать, кому доверять.

– Норе Сель.

Я знала это имя. Начальница внутреннего надзора. Когда-то преподавала правовую магию в Академии.

– Она разрешила тебе продолжать после закрытия дела?

– Нет.

– То есть ты нарушаешь приказ.

– Да.

– Это неожиданно.

– Почему?

– Ты написал на меня рапорт, когда мне было девятнадцать, за то, что я залезла в закрытый архив.

– Ты залезла через окно второго этажа.

– Дверь была заперта.

– Именно поэтому архив считался закрытым.

– Ты был невыносим.

– Ты тоже.

– Я хотя бы была весёлой.

– Это спорно.

Я взяла с его стола карандаш и начала вертеть между пальцами.

– Почему ты продолжаешь дело?

Марен посмотрел на карандаш.

– Потому что Эста попросила.

– Когда?

– За два дня до смерти. Карандаш остановился.

– Что именно она сказала?

– «Если я окажусь права, ты пожалеешь, что не слушал меня раньше».

– Очень на неё похоже.

– Потом добавила: «Не дай Лее снова уехать, пока не разберётся». Я медленно положила карандаш.

– Вот это уже шантаж из могилы.

– Я не собирался выполнять эту часть.

– Спасибо.

– Пока не собирался.

Я уставилась на него.

– Нет.

– Что?

– Даже не думай.

- Я ничего не сказал.
- У тебя лицо сказало.
- Какое у меня лицо?
- Государственное.

Он закрыл глаза на секунду.

- Иди спать.
- Ты опять.
- Теперь я прошу.

Я встала.

У двери обернулась.

- Марен.
- Мм?

– Почему имя Арена Велла на моей двери?

– Не знаю.

Я вздохнула.

- Ненавижу этот ответ.
- Я тоже.

На этот раз я ему поверила.

Сотрудница дежурной части отвела меня в маленькую гостевую комнату на втором этаже. Там были узкая кровать, окно во двор и та же зелёная краска на стенах, что во всём Управлении. Я оставила сумку у двери и легла не раздеваясь. От мысли о том, что утром придётся возвращаться к дому, легче не становилось.

Глава 3. Правила узла

Утром меня разбудил запах кофе. Настоящего.

Не той горелой бурой воды, которую продавали на вокзале под этим именем.

Я открыла глаза и несколько секунд не понимала, где нахожусь. Потом увидела зелёную стену, вспомнила дом, тётю, Марена и снова закрыла глаза.

– Можно обратно вчера?

– Нет, – ответил кто-то за дверью.

Я села.

– Ты стоишь там давно?

– Я шёл мимо.

– С кофе?

– Да.

– И случайно остановился под моей дверью?

– Ты разговаривала сама с собой.

– Это частное совещание.

– Я понял.

Я натянула свитер и открыла. Марен протянул мне кружку.

– Без сахара.

Я взяла её, понюхала.

– Ты помнишь?

– Что?

– Как я пью кофе.

Он посмотрел на кружку, словно она могла подсказать безопасный ответ.

– Ты всегда морщилась от сладкого.

– Семь лет прошло.

– Люди иногда сохраняют привычки.

– А иногда нет.

– Тогда извини. Я сделала глоток.

– Не за что. Всё ещё без сахара.

– Хорошо.

Он уже собирался уйти.

– Стой.

Марен обернулся.

– Ты поел?

Вопрос вырвался сам. Я тут же пожалела.

– Да.

– Это ложь?

– Почему?

– Ты ответил слишком быстро.

– Я всегда отвечаю быстро.

– Нет.

– Тогда не ел.

– Вот.

– Что «вот»?

– Ничего. Иди.

– Ты странная с утра.

– Я странная круглосуточно. Раньше тебя это не удивляло.
Он задержал взгляд на моём лице.

– Раньше многое не удивляло.

И ушёл прежде, чем я придумала, что ответить.

Через полчаса мы сидели в его кабинете над картой квартала.

К нам присоединилась женщина лет сорока пяти с короткими седыми волосами и серьгами в виде маленьких ключей.
Нора Сель узнала меня сразу.

– Арден.

– Магистр Сель.

– Я больше не преподаю.

– Сочувствую студентам.

– Я им тоже.

Нора села напротив и забрала у меня кружку, которую принёс Марен.

– Это моё, – сказала я.

– Теперь моё. Он делает слишком крепко, а мне нравится.

Марен молча поставил передо мной другую.

Я посмотрела на него.

– У тебя была запасная?

– Я знаю Нору.

– Вот за это я его и держу, – сказала она и отпила. – Не за талант. Марен разложил карту.

– Дом номер семнадцать входит в старый защитный пояс северо-западного сектора. Большинство узлов заменили по-

сле пожара сорок восьмого года. Этот – нет.

– Почему?

– Эста отказалась.

– На каком основании?

– На том, что рабочие Управления, цитирую, «обезьяны с серебряной проволокой».

Я прикрыла рот кружкой.

Нора усмехнулась.

– Она была последовательна.

– И что именно защищает дом? – спросила я. Марен указал на линии.

– В официальном реестре – локальную опору квартального контура. От пожара, прорыва нижних линий, бытовых выбросов.

– А неофициально?

– Не знаем.

– Опять.

– Привыкай, – сказала Нора. – В старых узлах половина работы начинается со слов «не знаем».

Я наклонилась над картой.

Красные точки тёти совпадали с шестью домами вокруг площади Медников.

– У Эсты были такие же отметки.

Марен кивнул.

– Ты говорила.

– Нет, я не про это. Посмотрите. Эти дома образуют не

кольцо. Нора поднялась.

– А что?

Я повернула карту.

– Если провести связи не по улицам, а по старым подземным каналам... Марен подал мне карандаш.

Я соединила точки.

Получилась семилучевая фигура. Седьмая точка была нашим домом. В центре – здание бывшего Дома имён, закрытого сорок лет назад. Нора перестала улыбаться.

– Таль.

– Вижу.

– Выглядит знакомо? – спросила я.

– Да.

– И?

Марен открыл нижний ящик, достал старую папку и вытащил лист кальки. На ней была почти такая же фигура.

– Это схема городской связки до реформы, – сказал он. – Такие использовали, когда защита строилась не на обезличенных печатях, а на личных именах хранителей.

Я посмотрела на него.

– На людях?

– На их обещаниях.

– Это запрещено уже лет семьдесят.

– Семьдесят три, – поправила Нора.

– Спасибо, стало спокойнее.

Она постучала ногтем по центру схемы.

– Проблема в том, что старые связки не исчезли после запрета. Их переподключили. По крайней мере, должны были.

– А наш дом, похоже, нет.

– Похоже.

Я вспомнила светящиеся буквы на полу.

– И он привязался ко мне.

Марен посмотрел на меня.

– Не обязательно.

– Моё имя появилось в центре круга. Нора резко подняла голову.

– Почему я узнаю об этом сейчас? Марен не отвёл взгляда от меня.

– Потому что она сказала, что ничего не слышала.

– Я и не... Он молчал.

Нора перевела взгляд с него на меня.

– Арден.

Я поставила кружку.

– Дом сказал: «Ты всё-таки пришла». Нора выругалась.

Марен только выдохнул.

– Спасибо, – сказал он.

– Не начинай.

– Я ничего.

– У тебя опять лицо.

Нора подняла ладонь.

– Подождите. Вы двое всегда так разговаривали?

– Нет, – ответили мы одновременно.

Она посмотрела на нас внимательнее.

– Разумеется.

Я проигнорировала это.

– Что значит голос?

Нора встала и прошла по кабинету.

– В старых связках дом мог удерживать остаточный отклик хранителя. Не личность. Не дух. Скорее... направление памяти.

– Очень успокаивает.

– Я не пытаюсь тебя успокоить.

– Получается.

Она остановилась у окна.

– Если контур действительно признал тебя новым носителем имени, у нас две проблемы.

– Только две?

– Первая – мы не знаем, какое обещание ты унаследовала.

– А вторая?

– Если его нарушить, последствия могут затронуть весь квартал.

Я посмотрела на карту.

– Что обычно обещали хранители?

– Защищать проход. Хранить тайну. Не впускать определённых людей. Не покидать дом. Поддерживать узел жизненной силой. Варианты были разные.

– «Не покидать дом» мне особенно нравится.

Марен скрестил руки.

– Мы не позволим узлу закрепиться вслепую.

– А ты уверен, что он ещё не закрепился?

– Нет.

– Чудесно.

Нора вернулась к столу.

– Нужно обследовать дом. Полностью. Но сначала – юридическая фиксация твоего состояния и добровольное согласие.

– На что?

– На вскрытие наследственного контура.

Я знала процедуру. Два мастера, свидетель, защитный круг. В лучшем случае несколько часов. В худшем – ожоги памяти, временная потеря голоса, повреждение личной печати.

– Кто будет вскрывать?

– Я и Таль.

Я сразу ответила:

– Нет.

Марен даже не моргнул. Нора спросила:

– Почему?

Я посмотрела на него.

– Потому что личную печать придётся открыть.

– Частично.

– Всё равно нет.

– Другой мастер будет через три дня, – сказала Нора. – Мы можем подождать, если дом стабилен.

Марен покачал головой.

– После ночной активации я бы не ждал.

– Я сказала нет.

– Я слышал.

– Тогда почему продолжаешь?

– Потому что могу считать решение плохим и всё равно его уважать. Я неожиданно замолчала.

Нора посмотрела на часы.

– Хорошо. Тогда первый этап без вскрытия. Визуальный осмотр, снятие фонового резонанса, поиск активных линий. Арден, ты участвуешь как владелец и реставратор. Но ничего не трогаешь без команды.

– Конечно.

Марен кашлянул.

Я повернулась к нему.

– Что?

– Ничего.

– Скажи.

– Ты полезла через окно закрытого архива.

– Мне было девятнадцать.

– А сейчас?

– Двадцать семь.

– Тогда вопросов нет.

Нора взяла со стола папку.

– Я пойду оформлю разрешение, пока вы не начали обсуждать детство.

– У нас не было общего детства, – сказала я.

– Тем лучше.

Она вышла.

Я повернулась к Марену.

– Что она имела в виду?

– Не знаю.

– Ты слишком часто не знаешь.

– У меня сложная работа.

Я посмотрела на схему.

– Ты правда думаешь, что дом может удерживать память человека?

– Думаю, старые мастера делали вещи, которые мы сейчас считаем невозможными, потому что больше не готовы платить их цену.

– Красиво сказал.

– Это из учебника.

Я фыркнула.

– Так и знала.

Он убрал кальку.

– Лея.

– Мм?

– Если в доме снова услышишь голос – скажи сразу.

– Посмотрим.

– Нет. Не «посмотрим».

– Ты опять командуешь.

– Да.

– Хотя бы честно.

– Я не могу работать, если ты скрываешь симптомы.

– Я не симптом.

– Я не это сказал.

– Но прозвучало.

Он потёр большим пальцем край стола.

– Хорошо. Если дом снова заговорит, пожалуйста, скажи мне.

– Так лучше.

– Скажешь? Я помедлила.

– Скажу.

– Спасибо.

И почему-то именно это простое «спасибо» сделало обещание тяжелее.

Глава 4. Семь домов

К полудню дождь прекратился, но улицы блестели так, будто город покрыли тонким слоем масла.

Мы шли к дому пешком. Нора осталась в Управлении оформлять доступ к старым реестрам. Марен нёс футляр с инструментами, я – папку и два свёрнутых листа кальки.

– Дай футляр, – сказала я на втором перекрёстке.

– Зачем?

– Хочу нести.

– Он тяжёлый.

– Я вижу.

– Тогда зачем?

– Потому что у тебя в другой руке ещё сумка.

– Я справляюсь.

– Я тоже.

– Лея.

– Марен.

Он остановился.

– Ты собираешься спорить из-за сумки?

– Нет. Ты собираешься.

– Я уже несу её.

– А я предлагаю помочь.

– Хорошо.

Он протянул мне папку. Я посмотрела на неё.

- Это не футляр.
- Верно.
- Ты невозможный.
- Футляр весит двенадцать килограммов.
- И?
- И в нём стекло.
- А, – сказала я. – Так бы сразу.
- Я сказал, что он тяжёлый.
- Это не одно и то же.
- Иногда одно.
- Нет.
- Хорошо.

Мы пошли дальше.

Через несколько шагов я спросила:

- А сумку дашь?
- Нет.

Я толкнула его локтем.

Он едва заметно улыбнулся.

Это было настолько не к месту, что мне пришлось смотреть вперёд.

Улица Медных Фонарей начиналась от старой ткацкой площади. Когда я была ребёнком, на углу продавали горячие орехи в бумажных конусах. Теперь там открылась лавка алхимических красок с витриной такого яркого фиолетового цвета, что глаза заболели уже через секунду.

- Ужас, – сказала я.

– Согласен.

– Мы о витрине?

– Я – да.

– Иногда с тобой трудно.

– Иногда?

Я посмотрела на него.

– Не нарывайся.

Он снова почти улыбнулся.

Первым из семи домов был номер девять – двухэтажный, с вывеской «Починка часов и мелких механизмов». На пороге стоял старик в кожаном фартуке.

– Таль! – крикнул он. – Я тебе вчера говорил, у меня опять стена гудит.

– Поэтому мы здесь, господин Ро.

– А это кто?

Старик посмотрел на меня так, будто я была новым типом неисправности.

– Лея Арден.

– Эстина девочка?

Я кивнула.

Его лицо смягчилось.

– Жалко её. Хорошая была. Ругалась много, но по делу.

– Это точно.

– Ты на неё похожа.

– Мне говорили.

– Особенно когда хмуришься.

– Это тоже. Марен кашлянул.

– Стена где?

Господин Ро провёл нас внутрь.

Гудела северная перегородка мастерской. Я почувствовала вибрацию ещё до того, как приложила ладонь.

– Не трогать, – одновременно сказали Марен и часовщик.

Я убрала руку.

– Я только хотела...

– Нет, – сказал Марен.

– Даже не начала.

– Поэтому и остановил вовремя. Господин Ро довольно хмыкнул.

– Наконец-то нашёлся человек, который умеет с ней разговаривать.

– Никто не умеет, – сказала я.

– Верю.

Марен установил три измерительных иглы вдоль плинтуса. Серебряные головки задрожали.

– Частота та же, – сказал он.

– Что значит «та же»?

– Такая же была в твоём доме ночью.

– Ты измерил?

– Пока ты собирала вещи.

– И не сказал.

– У нас был другой разговор.

– У нас постоянно другой разговор.

– Это правда.

Часовщик посмотрел с меня на него.

– Вы женаты?

– Нет, – сказали мы одновременно.

– Жаль. Звучите как люди с опытом. Я поперхнулась воздухом.

Марен спокойно собрал иглы.

– Господин Ро, когда впервые загудело?

– Позавчера ночью.

– После полуночи?

– Да. Где-то в час.

– Что-то ещё?

– Часы в мастерской встали. Я оглянулась.

На стенах висели десятки часов. Все показывали разное время.

– Какие?

– Все.

– И сейчас?

– Я их заново завёл.

– В один момент остановились?

– Понятия не имею. Я спал. Марен записал.

– Если повторится – ничего не трогайте. Позвоните в Управление.

– А кто мне работу делать будет?

– Лучше один день без работы, чем без стены.

– Легко вам, государственным, говорить.

– Я могу написать акт на компенсацию простоя.

– Вот теперь другое дело.

На улице я сказала:

– Ты умеешь быть полезным.

– Иногда.

– Не привыкай к похвале.

– Не успел.

Второй дом оказался пекарней. Третий – пустовал. В четвёртом жила семья с тремя детьми, которые устроили вокруг нас круг и задавали вопросы быстрее, чем Марен успевал отвечать.

– А если линия взорвётся, дом взлетит?

– Нет.

– А если очень сильно?

– Всё равно нет.

– А вы маг?

– Да.

– А она?

Мальчик лет восьми ткнул пальцем в меня.

– Она кусается, – сказал Марен.

Я повернулась.

– Что?

Дети захохотали.

– Я спросил, маг ли она!

– Реставратор, – ответила я, глядя на Марена. – И если некоторые инспекторы продолжат, может выясниться, что

кусается.

– Я предупреждал, – сказал он детям.

Мать семейства закрыла лицо ладонью, скрывая смех. В пятом доме ничего не нашли.

В шестом – старый узел под лестницей был холодным, но на внутренней стене кто-то недавно процарапал одну букву: А.

Я присела.

– Это не случайность.

Марен провёл над царапиной стеклянной иглой.

– Свежая. Не больше недели.

– Арен?

– Может быть.

– Или кто-то хочет, чтобы мы так думали.

Он взглянул на меня.

– Именно.

– Видишь? Я умею быть осторожной.

– Я никогда не сомневался в твоей голове.

– Только в руках?

– В основном.

Я встала.

– Очень мило.

– Не пытался.

– Это у тебя всегда... Я оборвала себя.

Он тоже понял, что я собиралась повторить фразу с крыльца.

Несколько секунд мы стояли слишком близко в узком коридоре чужого дома. Потом хозяин крикнул из кухни:

– Нашли чего?

Я первой отступила.

– Царапину!

– Это младший, наверное! Он всё царапает!

– А зовут его как? – спросила я.

– Бен!

Марен тихо сказал:

– Не Арен.

– Спасибо, я заметила. Седьмым был мой дом. На пороге я остановилась.

С виду ничего не изменилось.

Только теперь я знала, что тётю нашли здесь мёртвой. Марен встал рядом.

– Хочешь минуту?

– Нет.

– Это не проверка на стойкость.

– Я знаю.

– Тогда?

Я достала ключ.

– Если дам себе минуту, возьму десять. Потом час. Потом уеду.

– Может, это было бы разумно.

– Эста просила не давать мне уехать.

– Я не обязан выполнять всё, что говорила Эста.

– А я, кажется, обязана понять, зачем она это сказала.

Я открыла дверь.

Серебряных линий на полу не было.

Имя Арена осталось.

Марен поставил инструменты в прихожей.

– Сначала мастерская.

– Почему?

– Там умерла Эста.

Мне не понравилось, как спокойно он это произнёс.

Не потому, что он был равнодушен. Наоборот. Потому что, наверное, уже слишком много раз повторял эту фразу внутри себя.

Я открыла мастерскую.

На этот раз запах воска показался сильнее. Марен не вошёл сразу.

– Что?

– Ничего.

– Ты застыл.

– Я здесь не был после осмотра.

– Почему?

– Дело закрыли. Дом опечатали до передачи наследнику.

– А ты не мог нарушить приказ? Ты же в этом уже упражняешься.

– Мог.

– Но не стал.

– Нет.

Я посмотрела на стол.

– Где её нашли?

Он указал на пол у окна. Я подошла.

На досках не осталось следов.

– Она лежала лицом к двери или к окну?

– К двери.

– Резец был в руке?

– В двух шагах.

– Какая печать разрушилась?

– Личная. В области груди.

– А рабочая?

– Целая.

Я обернулась.

– Тогда версия о несчастном случае вообще бессмысленна.

– Да.

– Почему её приняли?

Марен открыл рот.

И замолчал.

– Что?

– Вот это как раз одна из причин, по которой я не закрыл вопрос.

– Марен.

– В акте осмотра рабочая печать указана как разрушенная.

Я смотрела на него.

– Но она была цела?

- Я видел её сам.
- Кто подписал акт?
- Следователь Брен Касс.
- Ошибка?
- Может быть.
- Ты не веришь.
- Нет.
- Где Касс?
- Уволился через две недели после смерти Эсты.
- Очень удобно.
- Да.

Я подошла к столу тёти.

На краю лежал кусок воска. Я взяла его двумя пальцами.

– Не трогать, – сказал Марен.

– Поздно.

– Лея.

– Это обычный воск.

– В доме, где активировался неизвестный наследственный контур, нет обычного воска.

– Звучит параноидально.

– Работа помогает. Я повернула кусок.

На обратной стороне была вдавлена буква. Не А.
М.

Марен подошёл ближе.

– Не двигай.

– Я уже держу.

– Именно поэтому не двигай.

Он достал из футляра пластинку, поднёс под мою руку.
Воск задрожал.

И растаял. Не от тепла.

Воск сжался в серую каплю и исчез.

На моей ладони осталась тонкая чёрная линия. Марен схватил меня за запястье.

– Не трогай её.

– Я и не собиралась.

Линия поползла вверх по ладони, к запястью.

– Марен.

– Вижу.

Он провёл большим пальцем по служебной печати на своём запястье. Серебристый свет вспыхнул между его пальцами.

– Будет больно.

– Что...

Он прижал два пальца к моей ладони. Боль ударила до локтя.

Я выругалась и дёрнулась.

– Стой.

– Сам стой!

– Лея, ещё секунду.

– Убери руку!

– Сейчас.

Чёрная линия остановилась. Свернулась точкой.

Исчезла.

Я тяжело дышала.

Марен всё ещё держал моё запястье.

– Отпусти.

Он отпустил сразу.

На моей коже остался красный след от его пальцев.

– Что это было?

– Стирающая метка.

– Что она стирает?

– Связь с именем.

Я посмотрела на пустое место, где был воск.

– Чьим?

– Твоим.

Я подняла голову.

– То есть если бы ты не...

– Пока не знаю, что именно произошло бы.

– Хватит говорить «не знаю».

– Тогда совру.

– Чёрт.

Я отошла к окну. Марен молчал.

– Я могла умереть?

– Возможно.

– Очень утешает.

– Я не хочу тебя утешать неправдой.

Я посмотрела на него через плечо.

– Когда ты успел стать таким правильным? Его лицо стало

неподвижным.

– После твоего отца. Слова упали между нами.

Я повернулась полностью.

– Что это значит?

Он посмотрел на дверь.

– Не здесь.

– Нет. Ты сам сказал.

– Лея.

– Что значит «после моего отца»?

В коридоре раздался щелчок. Тот самый, что вчера.

Мы оба замолчали. Щёлкнуло снова.

Сверху.

Марен достал резец.

– За мной.

– Даже не мечтай.

– Тогда рядом.

Это прозвучало так естественно, что я не стала спорить.

Мы поднялись на второй этаж.

Щелчок шёл из моей старой комнаты. Дверь была закрыта.

Я точно помнила, что утром оставила её открытой. Марен встал сбоку.

– Не входи первой.

– Почему?

– Потому что я попросил.

– Это новый метод?

– Работает?

Я отошла на полшага.

– Пока да.

Он открыл дверь. Комната была пуста. Окно закрыто.

Шкаф заперт.

На столе лежала деревянная шкатулка тёти, которой вчера там не было.

Марен не двигался.

– Ты её приносила?

– Нет.

– Узнаёшь?

– Да. Она хранила в ней письма.

– Не трогай.

– Я уже поняла принцип.

Он проверил шкатулку иглой, потом второй.

– Чист

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.